

пешей никаких изменений, редко кто из ловцов уже в молодости не страдает глазными и ушными болезнями, ревматизмом и самой страшной профессиональной болезнью ныряльщиков — кессонной болезнью. Газы, обычно азот, растворившись в крови при повышенном давлении, при понижении давления бурно выделяются пузырьками, закупоривающими и разрывающими кровеносные сосуды. Но Белгрейв знает, что все эти факты получили широкую известность, и поэтому считает нужным заметить: «Разрушительное действие ныряния на здоровье людей часто преувеличивается, и при улучшенном питании и медицинском обслуживании ныряльщики теперь достаточно здоровы и даже выигрывают сравнительно с рабочими других отраслей промышленности» (стр. 50).

Нет нужды продолжать этот перечень. Даже те немногие выдержки, которые приведены выше, говорят о целях Белгрейва: не только создать первый путеводитель и справочник по Бахрейну, но и убедить читателя в политическом и экономическом процветании протектората, в том, что «в датском королевстве все спокойно».

Однако факты говорят о другом. В марте 1956 г. на нефтепромыслах Бахрейна прошла первая массовая забастовка. После героической недельной борьбы местные нефтяники добились от администрации компании удовлетворения своих требований о пересмотре трудового законодательства и, в частности, положения о штрафах. В ноябре того же года, когда весь Арабский Восток в единодушном порыве поднялся против англо-франко-израильской агрессии в Египте, бахрейнские нефтяники подняли восстание против английских колонизаторов страны. Лишь перебросив десантные части из других гарнизонов Аравии, британские власти подавили народное возмущение на Бахрейне.

Все это ясно показывает, что дни империалистического владычества сочтены и в Бахрейнском протекторате.

А. Першиц

Мохаммед-Таги Дамагани. *Положение иранских зороастрийцев (Ахвале шах-сийе зардоштиане Иран)*, Тегеран, 1955, на персидском языке, 92 стр.

Гебры (парсы) — последователи древнеиранской зороастрийской религии, поэтому часто их называют зороастрийцами. В настоящее время в Иране их насчитывается около 10 тыс. человек. В VII—XII вв. (после арабского завоевания) значительное число гебров переселилось из Ирана в Индию, где их именуют парсами.

Гебры отличаются от остального населения Ирана не только религией: сохранив древний зороастрийский культ, они сохранили по сей день и свои особые черты как в культуре, так и в быту. Тем не менее до сих пор нет ни одной работы, посвященной этнографическому описанию современных гебров. Поэтому каждая, хотя бы небольшая, работа, в той или иной мере касающаяся этнографических особенностей гебров, заслуживает внимания этнографа вообще, и в частности ираниста. Это относится и к рецензируемой книге.

В работе «Положение иранских зороастрийцев» автор акцентирует внимание читателя особенно на семейном праве гебров. Это вполне объяснимо. Напомним, что в вопросах брака, развода, наследственного права в Иране действуют не только законы гражданского права «Кануне Мадани», но и законы шариата, у гебров же сохранились свои, зороастрийские законы.

Сосредоточив внимание на вопросах семейного права, автор много места уделил описанию семейного быта гебров: брака, его условий и оформления, сватовства, обручения, развода. В книге рассматриваются также такие вопросы, как права и обязанности родственников, категории родственников, наследственное право мужчины и женщины, усыновление и так далее.

Многие из сообщаемых автором сведений являются для читателя новыми, дающими неплохой фактический материал для изучения обычного права гебров в современном Иране. Это особенно касается разделов о браке, разводе, наследственном праве.

Этнографическое освещение автором тех или иных сторон семейного быта гебров в ряде случаев не свободно от недостатков. Из работы читатель не узнает о многих существенных деталях, относящихся к процессу оформления брака, развода, усыновления. Существует ли у гебров временный брак, имевший в прошлом широкое распространение у мусульманских народов Ирана и в какой-то мере сохраняющийся у некоторых из них поныне? Можно ли наблюдать в быту гебров те или иные элементы, заимствованные у соседних народов, в частности у персов? На эти вопросы книга не дает ответа. Нет в ней и сведений о правах и обязанностях дочери, невестки, вдовы.

Из описаний развода читатель не узнает, существует ли у гебров какая-либо из действующих в Иране разновидностей развода: талаге баин (развод навсегда), талаге реджи (временный развод) и талаге одде (развод на определенный срок, до трех раз). Ничего не сообщает автор и о судьбе детей разведенных супругов.

Наследственное право у гебров, по словам автора, распространяется не только на членов семьи — кровных родственников, но и на усыновленного ребенка. Если ребенка усыновила женщина, то он является ее наследником, если мужчина, то ребе-

нок наследует имущество мужчины. Досадно, что в работе нет сведений о доле усыновленного наследника. Обойден также вопрос и о доле матери, жены, вдовы.

Однако при оценке книги нельзя забывать, что автор не ставил перед собой специально этнографических задач. Несмотря на имеющиеся в ней пробелы, книга Дамгани является существенным вкладом в литературу о семейном быте гебров.

Т. Ф. Аристова

Чёсон мунхва юмудь (Культурное наследие Кореи), Пхеньян, 1956.

В 1956 г. в Пхеньяне вышел в свет альбом «Культурное наследие Кореи», посвященный истории развития корейской национальной живописи.

В предисловии к этому изданию его составители пишут, что они руководствовались желанием донести до широких народных масс лучшие произведения из сокровищницы корейского изобразительного искусства, изучение которого было прервано со- рокалетним колониальным господством японцев.

Альбом содержит 144 репродукции наиболее известных картин, начиная с монументальной живописи Когуре и кончая произведениями корейских художников XV—II в. Репродукции расположены в хронологическом порядке. Книга открывается небольшим введением, в котором авторы дают сжатый набросок истории развития корейской живописи. Очень ценными являются две таблицы: указатель фресок и указатель репродукций картин. В них содержится большой справочный материал: названия фресок, датировка и местонахождение гробниц, в которых они обнаружены; фамилии, псевдонимы и годы жизни художников; размеры и характеристика картин.

Самые ранние памятники корейской живописи относятся к периоду Когуре и датируются IV—VI вв. н. э. — это сохранившиеся до наших дней фрески древнекогуреских гробниц. В альбоме представлено 12 репродукций наиболее известных фресок (табл. 1—12): сцена шествия конного и пешего войска; изображение кухни и колодца из могилы Анак № 3, открытой корейскими археологами в провинции Хванхэдо в 1949 г.; сцена охоты и танцев из могилы Муенчхон; сцены борьбы из могилы Какчочхон; фрески из могилы Саенчхон и изображения четырех божеств из могилы уезда Кансо. Уже в этот период корейская живопись характеризуется прекрасным знанием композиции, живой динамической манерой письма.

До нашего времени дошло очень мало памятников живописи периода династии Коре (918—1392). В альбоме они представлены тремя репродукциями (две из которых в цвете) стеновых росписей из павильона Тесадон в буддийском храме Пусекса (табл. 13—15) и репродукцией картины «Охота на горе Тенсан» (табл. 16), по преданию принадлежащей кисти короля Кон Мина (Ван Чен).

Наиболее полно отобразено творчество художников периода династии Ли (1392—1910). Изобразительное искусство начального периода династии Ли развивалось под влиянием идеи единства стихосложения и живописи, что сказалось и на творчестве художника Ан Гена (начало XV в.) — мастера Академии художеств «Тонхва сэвон». Творчество Ан Гена представлено картиной «Персиковый сад, виденный во сне» (табл. 17).

Художники среднего периода династии Ли были большими мастерами восточного жанра живописи: они с особой любовью рисовали цветы и травы, птиц и насекомых, собак и кошек. Наибольшей известностью в этот период (XVI в.) пользовались три художника: Ли Ден, прославившийся изображением бамбука, Э Мон Рен — слив и Хван Диб Дюн — винограда (см. табл. 28, 29). Изображение этих растений связано с омонимической символикой, характерной для дальневосточной живописи, где, например, бамбук или цветы сливы являются символами долголетия¹.

Во второй половине XVII в. в связи с зарождением «школы точной науки» художник Юн Ду Со (Кон Чэ) обращается к бытовой тематике, положив тем самым начало «бытописательной школы» в корейской живописи. Альбом содержит репродукции его картины «Всалник» и «Пилигрим» (табл. 45, 46). Но настоящий переворот в живописи связан с именем большого мастера «реального пейзажа» Тен Сена (Кем Дя), который обратился к изображению родной природы, чудесных Алмазных гор (см. табл. 47—51). Творчество Тен Сена (1676—1769) оказало большое влияние на развитие реалистического направления в корейской живописи.

Среди лучших мастеров XVIII в. необходимо прежде всего назвать имена таких художников, как Юн Дэк Хи (Рен Он), Пен Са Пек (Хвак Дя) и Ким Ду Рян (Нам Ри). Особенно интересны картины Ким Ду Ряна, отображающие жизнь народа, в частности его серия «Четыре времени года»: здесь и внутренний дворик сельского дома (детали выписаны настолько тщательно, что мы видим даже его внутреннее убранство), и крестьянин, несущий хворост из леса, и момент обмолота риса. В глубоко реалистической манере выполнены Ким Ду Ряном пейзаж в лунную ночь, изображение вола и лающей собаки (табл. 58, 60, 61).

¹ См. О. Глухарева, Б. Денике, Краткая история искусства Китая, М.—Л., 1948, стр. 40.